

Цзян Хуай поднялся на трибуну и откашлялся:

— На прошлой неделе, в пятницу во второй половине дня, на уроке физкультуры мы с Бо Цзянем... — Он сделал небольшую паузу, его кадык дернулся, а затем он продолжил: — В Восточном корпусе корпуса Сюэли...

Бо Цзянь вернулся на свое место на самом последнем ряду — довольно далеко. Подперев голову рукой и держа ручку, он витал в облаках с ленивым видом. Но стоит ему приподнять глаза и встретиться взглядом с Цзян Хуаем, как на губах Бо Цзяня заиграла улыбка. Он сидел на последнем ряду, старина Линь стоял у передней двери, все одноклассники смотрели вперед, на Цзян Хуая; у Бо Цзяня не было соседа по парте, и никто его не видел. Пользуясь этим, он поднял руку и сложил пальцы в сердечко для Цзян Хуая.

— ...не подчинились требованиям завуча по воспитательной работе, — Цзян Хуай случайно оговорился и ляпнул: — Мы с Бо Цзянем вместе спрыгнули с корпуса Сюэли.

Старина Линь нахмурился:

— Что-о-о???

Прозвенел предупредительный звонок. Через двадцать минут должен был начаться пробный промежуточный экзамен по китайскому языку.

Парты в классе уже расставили в экзаменационном порядке. Ученики потихоньку разбредались по своим аудиториям с рюкзаками на плечах, а за дверью ждали пришедшие пораньше ребята из других классов.

Бо Цзянь, разумеется, сдавал в аудитории № 1. Не сравниваясь с монстрами вроде первого места в параллели, Чэнь Фэнцзэ учился весьма неплохо — в десятом классе его средний результат держался в районе двадцатого места по параллели, так что он тоже попал в аудиторию № 1. Он ждал председателя Бо у задней двери.

Честно говоря, ему не терпелось узнать, как у председателя Бо продвигаются «романтические отношения» с Цзян Хуаем... Что там происходит на самом деле, он без понятия, но на школьном форуме роман этих двоих уже дошел до сюжета о «любовнике по контракту дьявольского Альфы». И они «потеряли» уже троих детей.

Чэнь Фэнцзэ прислонился к дверному косяку, краем глаза наблюдая за Цзян Хуаем.

У Цзян Хуая на лице не было ни единой эмоции. Закинув рюкзак на плечо, он задвинул стул под стол и прошел мимо парты Бо Цзяня. Чэнь Фэнцзэ слегка расширил глаза... однако Цзян Хуай просто прошел мимо, даже не наградив председателя Бо взглядом.

Председатель Бо лишь приподнял веки, но тоже ничего не сказал.

Ничто в их поведении не напоминало людей с историей про троих совместных потерянных детей.

Чэнь Фэнцзэ, видя, что Цзян Хуай ушел, понизил голос:

— И это всё?

— А ты чего ждал?

— Разве вы не мутите? — спросил Чэнь Фэнцзэ.

Бо Цзянь поднялся, задвинул стул и небрежно спросил:

— Что в твоём понимании «мутить»? Обнявшись, сосаться у задней двери класса на глазах у таких любителей поглазеть, как ты?

От такой саркастичной реплики Чэнь Фэнцзэ ненадолго замолк.

Бо Цзянь прошел мимо, легко вздохнул и тихо, будто про себя, произнес:

— В последнее время слишком много дел.

Аудитория № 40 представляла собой старый медкабинет в Восточном корпусе, переоборудованный под место для экзаменов.

Отстающим ученикам обычные классы не полагались. Аудитория № 1 располагалась в большой лекционной аудитории корпуса Сюэли — огромный зал на сотню человек, где собиралась первая сотня учеников параллели. Звучало чертовски солидно.

Цзян Хуай отыскал свое место согласно порядковому номеру — снова предпоследний ряд.

На самом последнем ряду, № 1535, находился Чжао Тяньцин.

Теперь Чжао Тяньцин уже считал, что неплохо знает Цзян Хуая... Хотя в начале учебного года он боялся его до дрожи. Раньше Чжао Тяньцин с ним лично знаком не был, но деваться было некуда: из-за пары происшествий в десятом классе имя Цзян Хуая стало в школе синонимом слова «сумасшедший». В самом начале года, углядев, что его сажают рядом с Цзян Хуаем, Чжао Тяньцин едва не побежал жаловаться старине Линю. Он переживал, что сам он — нежный Бета с чувствительной кожей, и выходки Цзян Хуая ему попросту не пережить.

Но теперь Чжао Тяньцин понял, что на самом деле Цзян Хуай — парень неплохой. Хоть и смотрит волком, а в общении с ним легко.

— Эх... — тяжело вздохнул Чжао Тяньцин. — Цзян Хуай... Что с экзаменом-то делать?

Они были двумя сапогами пара. В аудитории № 40 о том, чтобы у кого-то списать, не шло и речи: еще неизвестно, наугад тыкал варианты тот, у кого ты срисовываешь, или нет. Словом, здесь собрался полный цвет школьной неуспеваемости.

Цзян Хуай не стал оборачиваться, а просто щелчком бросил через плечо какой-то предмет, который с громким «хлоп» упал на стол Чжао Тяньцина.

У Чжао Тяньцина загорелись глаза — решив, что это какое-то высокотехнологичное устройство для списывания, он поспешно схватил его.

Однако при ближайшем рассмотрении... игральный кубик.

Выражение лица Чжао Тяньцина стало весьма неоднозначным:

— ...Спасибо.

Пробный экзамен полностью копировал процедуру проведения настоящего промежуточного экзамена. И рассадка по аудиториям на нем должна была быть точь-в-точь такой же. Задания

для промежуточных и итоговых экзаменов составляло Городское управление образования, и после их сдачи формировался единый рейтинг среди более чем десятка школ города С, писавших работы по общим вариантам.

Впрочем, свои позиции в городском рейтинге узнавали лишь те, кто сдал хорошо, или те, кто имел связи. А людям вроде Цзян Хуая, занимающим в списке из пятидесяти тысяч человек примерно сорок девять тысяч девятьсотое место, узнавать результаты не было ни малейшего смысла.

Первым предметом был родной язык, экзамен длился два с половиной часа.

Суммарный балл Цзян Хуая за десятый класс обеспечил ему 1534-е место. То, что он оказался соседом по ряду с Чжао Тяньцином — спортсменом, проводившим в спортзале шесть уроков из семи, — свидетельствовало о катастрофически низких оценках.

Из 750 возможных баллов он обычно набирал от силы 150.

Впрочем, Цзян Хуай не всегда писал экзамены на 150 баллов. На самом первом тестировании в десятом классе он набрал больше пятисот, заняв место в районе седьмой-восьмой сотни по параллели. Но вот после того раза не было ни одного экзамена, который Цзян Хуай отсидел бы бодрствующим.

Два с половиной часа на родной язык: первые два часа поспать, в последние тридцать минут наугад проставить варианты в тестах и набросать хоть что-то в сочинении.

Если бы он постарался, Цзян Хуай прикидывал, что его результат вполне мог бы удвоиться — со 150 до 300.

Но какая разница? Всё равно незачет по всем предметам, всё равно в самом хвосте класса.

Когда вкалываешь подавители, оценки летят к чертям — Цзян Хуай понял это еще во время первого экзамена на пятисот с лишним баллов в десятом классе. Железа, выделяющая феромоны, начала развиваться во втором полугодии девятого класса, и с тех самых пор он регулярно делал инъекции подавителей.

Но во второй половине девятого класса они в основном повторяли пройденное, так что его сонное состояние не слишком повлияло на результаты вступительных экзаменов.

Тот самый первый экзамен в десятом классе оказался хуже всего.

Он никогда не отличался особым рвением к учебе — Цзян Хуай относился к той категории ребят, которым удавалось держаться среди лучших исключительно благодаря природному таланту.

Впервые увидев табель, где он скатился на семисотые места, Цзян Хуай подумал, что дальше будет только хуже. Так и вышло: за все последующие экзамены он ни разу не набрал больше 200 баллов.

Один черт результат выходил паршивым, так не проще ли поспать? Если на уроках его клонит в сон, с какой стати экзамен должен стать исключением?

Цзян Хуай уже привычно собирался сложить бланк ответов и лист с заданиями, чтобы подложить их под голову вместо подушки... Но когда перевернул страницу, его взгляд

зацепился за первое задание: поиск орфографической ошибки в идиоме.

На прошлых выходных Бо Цзянь ужинал у него дома... Этот придурок оказался невыносимо привередлив в еде: в блюда нельзя класть ни острый перец, ни кинзу, ни сычуаньский перец, ни дай бог лук, чеснок или имбирь — да вообще ничего, но пресную еду он тоже отвергал.

Только когда Цзян Хуай окончательно вышел из себя и заявил, чтобы тот либо убирался, либо шел покупать пакетик физраствора и пил его, Бо Цзянь наконец замолчал.

После ужина Бо Цзянь буквально заставил его сидеть в комнате и делать домашнюю работу по родному языку.

Настольная лампа заливала лицо Бо Цзяня мягким теплым светом, создавая обманчивое иллюзию нежности. Он смотрел на Цзян Хуая и, погладив его по голове, тихо произнес: «На следующей неделе сдай пробный экзамен как следует».

Световой луч так ярко отражался в глазах Бо Цзяня, что сердце Цзян Хуая на мгновение замерло.

Эту задачу с идиомой Цзян Хуай умел решать. В домашних заданиях за выходные как раз попало несколько точно таких же ошибок, и те из них, что Цзян Хуай не заметил, Бо Цзянь обвел для него.

Цзян Хуай вписал в бланк ответов букву «Б».

Он уже очень давно не делал тесты всерьез.

Первое задание знал, второе — тоже.

Цзян Хуай продвигался дальше вопрос за вопросом. Когда возникали сомнения, он по привычке обводил номер задания кружочком. Это была его давняя привычка со времен средней школы.

С тех пор как он перешел в старшие классы, он больше толком не сдавал экзамены всерьез.

Знакомые чувства, присущие именно экзаменам, снова охватили его: полная сосредоточенность, легкое щекотание нервов над тяжелыми вопросами, колебания и едва заметный, микроскопический укол удовлетворения от каждого найденного решения.

Не прошло и часа, как Цзян Хуая снова начала одолевать сонная одурь. Он зевнул, открутил крышку и сделал глоток холодной минералки, после чего, подперев голову рукой, продолжил писать дальше.

Чжао Тяньцин, сомневаясь и почесывая затылок, пару раз тряхнул ручкой. Он выбросил на стол кубик, данный Цзян Хуаю: нечетное — писать сначала сочинение, четное — сперва чтение.

Отлично, 3 — нечетное. Начнем с сочинения.

В нетерпении перевернув бланк на страницу для сочинения, Чжао Тяньцин краем глаза заглянул вперед... Цзян Хуай подпер голову рукой и, похоже, что-то выводил в работе. Прошло несколько минут, а он не шевелился.

Цзян Хуай что, вот так взять и уснул?

А иначе почему не слышно, как он бросает кубик?

Цзян Хуай поставил финальную точку в сочинении и поднял взгляд: до конца экзамена оставалось десять минут.

Те, кто быстро справлялся с экзаменационной работой, как правило, делились на две категории.

Первые — отличники, у которых решение любого вопроса занимало секунды; вторые — отпетые двоечники вроде обитателей аудитории № 40: не знаешь — пропускаешь, не знаешь — пропускаешь, пока в итоге вся работа не испарится сама собой.

<http://bllate.org/book/18377/1766592>